

СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ РАКЕТНО-ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА: СОСТОЯНИЕ, ТУПИКИ, ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ

© 2018 г. О. Давыдов

ДАВЫДОВ Олег Владимирович, Посол по особым поручениям МИД РФ (в отставке),
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (4545233@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 12.02.2018.

В статье рассматриваются причины возникновения нынешней ситуации вокруг северокорейской ракетно-ядерной проблемы и ее особенности. Освещена деятельность руководства КНДР по планированию и развитию соответствующих военных программ. Показаны попытки заинтересованных стран вовлечь Пхеньян в диалог в интересах достижения денуклеаризации Корейского полуострова мирным переговорным путем. Анализируются предложения и действия таких стран, как Россия, Китай и США по данному вопросу, а также причины провала большей части усилий по разрешению северокорейских проблем. В этом контексте значительное внимание уделено нынешней позиции КНДР, которая фактически не предусматривает возможности отказа от своего ракетно-ядерного арсенала. Отмечается, что в настоящее время одной из главных проблем является отсутствие координации и дефицит доверия между государствами “пятерки” как наиболее заинтересованными в корейском урегулировании – Россией, Китаем, США, РК и Японией. Высказывается идея о целесообразности создания постоянно действующего консультативного механизма в целях повышения взаимодействия по этой проблематике.

Ключевые слова: ракетно-ядерная проблема, Корейский полуостров, денуклеаризация, диалог, мирное разрешение, режим нераспространения ядерного оружия, конфликт.

DOI:10.20542/0131-2227-2018-62-7-17-26

Кризис, сложившийся к настоящему времени на Корейском полуострове, — это целый комплекс проблем, накопившихся в течение десятилетий. В их числе — фактическая незавершенность Корейской войны (1950–1953 гг.), по итогам которой так и не был подписан мирный договор, а лишь достигнуто соглашение о перемирии (механизмы которого сейчас частично демонтированы или пришли в упадок). Кроме того, в числе острых вопросов — неурегулированность межкорейских отношений, когда как КНДР, так и РК отказывают друг другу в государственном признании и считают себя единственным законным представителем всего корейского народа на полуострове. Все вышеуказанные моменты в свою очередь являются причиной периодических всплесков напряженности, что обусловило противостояние в этом районе двух мощных группировок вооруженных сил: северокорейской и американо-южнокорейской.

В последние десятилетия корейский конфликт серьезно усугубился вследствие настойчивых устремлений руководства КНДР обзавестись ракетно-ядерным потенциалом якобы в целях “выживания” и защиты от нападения со стороны США. С учетом этого были запущены и получили развитие соответствующие военные программы. Таким образом, внутрикорейский кризис приобрел региональное, и даже глобальное, измерение.

* * *

История принятия Пхеньяном решения о создании “оружия возмездия” была длительной и отнюдь не простой. Равным образом, на протяжении длительного времени заинтересованные страны предпринимали неоднократные и разнообразные попытки вовлечь КНДР в диалог, чтобы разубедить ее в необходимости встать на этот путь. Рамки данной статьи не позволяют подробно проанализировать весь этот процесс в деталях, однако нельзя не отметить, что одним из наиболее значимых мероприятий международного характера стали шестисторонние переговоры по Корее, продолжавшиеся с 2003 по 2009 г. при участии КНР, России, США, Японии, КНДР и Республики Корея. Внешним показателем успеха переговорного процесса стало принятие в сентябре 2005 г. Совместного заявления всех его участников, смысл которого состоял в нацеленности на денуклеаризацию Северной Кореи при условии предоставления ей ряда политических гарантий и материальной компенсации [1].

В рамках достигнутых договоренностей руководство КНДР предприняло определенные шаги по выводу из рабочего состояния своих ядерных объектов (*disablement*), в то время как другие участники переговоров, включая Россию, предоставили ей помощь в размере

800 тыс. т топочного мазута (200 тыс. т каждый) или в соответствующем материальном эквиваленте. Япония уклонилась от участия в процессе оказания такого содействия, сославшись на неурегулированность в двусторонних отношениях с КНДР проблемы ранее похищенных Пхеньяном японских граждан.

Несмотря на предпринятые, казалось бы, многообещающие усилия, переговоры в конечном итоге закончились полным провалом. Можно рассуждать о различных причинах срыва этой конференции, однако главная проблема видится в том, что КНДР в конечном итоге оказалась недоговороспособной, поскольку вскоре после получения политических и экономических дивидендов под надуманным предлогом демонстративно вышла из диалога. Причем произошло это именно в тот момент, когда Пхеньяну предстояло выполнить необратимые действия по демонтажу своей ядерной инфраструктуры и пройти соответствующие процедуры верификации.

Уже не вызывает особых сомнений, что северокорейцы изначально не имели намерений сдавать свой ядерный арсенал и использовали переговоры как своего рода “передышку” для получения помощи и ускорения своих ракетно-ядерных программ. Главная ошибка остальных пяти партнеров состояла в том, что они не сумели правильно оценить складывавшуюся на тот момент ситуацию и не попытались жестко остановить северокорейцев, когда их линия поведения в достаточной мере прояснилась. Уже в 2006 г. Пхеньян произвел свое первое (из шести) ядерное испытание, и в том же году состоялся пуск ракеты дальнего действия. Непосредственно перед выходом из переговоров КНДР осуществила новый запуск ракеты, которая была выведена в космос, а после этого — в 2009 г. — второе ядерное испытание.

После указанных событий ситуация вокруг ракетно-ядерной проблемы неуклонно деградировала. Подтверждением этого стали: проведение КНДР пяти ядерных испытаний, увеличение числа пуска баллистических ракет различной дальности, различных классов и модификаций (24 в 2016 г. и 23 в 2017 г.), заявления Пхеньяна о готовности применить ракетно-ядерное оружие против США и американских баз в Японии¹. По степени хронической неподготовленности мирового сообщества и вовлеченных держав к решению Ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП) последняя не знает себе равных. После провала

шестисторонних переговоров в начале 2009 г. все концептуальные проработки в странах — участницах процесса по поводу возможных путей ее урегулирования фактически не выходили за рамки “сырых домашних заготовок”, едва ли имевших стратегическую перспективу.

* * *

Возникает вопрос, имеющий фундаментальное значение для понимания северокорейской проблемы: зачем нищей, но тем не менее неплохо вооруженной, стране потребовалось дорогостоящее ракетно-ядерное оружие? Как известно, на определенном этапе своего развития руководство КНДР допускало возможность обеспечить свою безопасность за счет заключения мирного договора (или пакта о ненападении) с США с юридически обязывающими гарантиями безопасности, однако затем от этой задумки отказалось — в том числе и ввиду позиции Вашингтона, утверждавшего, что подобный документ не имеет шансов быть ратифицированным американским Конгрессом.

Ссылаясь на “нарастающую агрессивность” со стороны Соединенных Штатов, которые, нимало не задумываясь, свергают неугодные им режимы (как, например, в Ливии и Ираке), в Пхеньяне постепенно пришли к выводу о необходимости обладания атомным оружием. Установка, конечно, более чем сомнительная, учитывая особое геополитическое положение Северной Кореи у границ с Китаем, который исторически не давал американцам эту страну в обиду и никогда не позволил бы осуществить там направляемую извне смену режима.

С другой стороны, на южных рубежах столица РК — Сеул, вместе с расположенными там американскими базами и прочей военной инфраструктурой, находится всего лишь в 45–50 км от демилитаризованной зоны, то есть в пределах досягаемости северокорейской дальнобойной артиллерии и ракетных систем залпового огня. Массированный удар с территории КНДР — это то, чего смертельно боятся на Юге. Иными словами, Пхеньян уже долгие годы держит Сеул “на мушке”, и в гипотетическом случае нападения на КНДР ее вооруженные силы не утрачивают возможности нанести немедленный ответный удар, способный причинить неприемлемый ущерб противнику.

Тем не менее особенности политики Ким Чен Ира в начале и в середине нулевых состояли в том, чтобы дополнительно подстраховаться, создав ограниченный потенциал ОМУ: две-три ядерные бомбы и соответствующее ракетное оружие. Однако, несмотря на крайнюю неразборчивость в средствах и сознательное введение в заблуждение партнеров по переговорам, покойный северокорейский лидер все

¹ Об этом см. на сайте Центрального корейского агентства новостей: *KCNA Commentary on Japanese Gov't Authorities' Moves to Stifle DPRK*. Pyongyang, 2017. Available at: <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf#this> (accessed 14.01.2018).

же умерял свои ядерные и ракетные амбиции, носившие в основном “демонстрационный” и “отпугивающий” характер.

Наиболее характерные особенности политики КНДР последних четырех-пяти лет по сравнению с предшествующим периодом состоят в том, что Пхеньян, отказавшись от прежних ограничителей, запустил на полную мощь программу создания и совершенствования ракетно-ядерного оружия. Эта деятельность, опасная для соседних держав и самоубийственная для самой Северной Кореи, теперь поддерживается всеми имеющимися у государства ресурсами и возможностями.

С одной стороны, стремительное нарастание интенсивности ракетных пусков и ядерных испытаний, а с другой — провозглашение и юридическое закрепление в Конституции и других основополагающих государственных и партийных документах ядерного статуса страны окончательно отбросили СК в разряд государств-изгоев. Введенные Советом Безопасности ООН против КНДР санкции, прописанные в целом ряде резолюций, накладывали жесточайшие ограничения на сотрудничество суверенных государств с Пхеньяном не только в военной, но и в торгово-экономической, валютно-финансовой и иных областях [2].

Серьезные подвижки произошли и в сфере внешнеполитической деятельности. Официальное закрепление ядерного статуса Северной Кореи и все последующие роковые шаги, по сути, обозначили переход внешней политики из разряда самостоятельного и важного направления деятельности государства в категорию вспомогательной, второстепенной активности, призванной обеспечивать и прикрывать стратегию государства в военно-оборонной сфере. Начиная с попыток оправдания на международной арене ракетно-ядерных авантюр и заканчивая усилиями по получению страной необходимых материальных ресурсов (желательно на льготной или безвозмездной основе), включая материалы, предметы и товары двойного назначения для использования в военной отрасли.

В то же время северокорейские лидеры превратили свои ядерные провокации и претензии на собственную непредсказуемость в “рабочие инструменты” внешней политики, тем самым еще более усугубляя ее подчиненную роль перед стратегией “ядерного сдерживания”.

1. Начиная с 2013 г. КНДР провела три ядерных испытания, причем мощность подорываемых устройств неуклонно увеличивалась. В официальных заявлениях Пхеньяна неизменно утверждается, что страна продолжит количественное наращивание и качественное совершенствование ядерного оружия.

2. Заметно расширились программы проведения пусков баллистических ракет. Если в период правления Ким Чен Ира такие испытания носили разовый характер и были в основном призваны привлечь внимание к ракетным возможностям КНДР, то в последние годы ситуация резко изменилась. Начиная с 2016 г. СК приступила к массовым испытаниям ракет различных классов и модификаций. Вместо пусков ракет на жидком топливе, со стабильных платформ, которые весьма уязвимы еще на стадии подготовки к пуску, основной акцент был сделан на разработку и испытание ракет, использующих твердое топливо, а также ракет, запускаемых с мобильных установок. Смысл — максимально ускорить подготовку к запуску, сделав его как можно более скрытным и неожиданным для противника [3].

3. Заметно усилилась враждебная, агрессивная риторика со стороны КНДР. Пхеньян напрочь отказался от проявлений какой-либо вербальной сдержанности при трансляции своих милитаристских угроз, что больше характерно для предвоенного времени, чем для мирного. Северокорейский МИД в своих заявлениях и официальная пресса открыто угрожают превратить в пепел не только Южную Корею, но и другие страны, которые резко критикуют политику Пхеньяна, — Японию и даже Австралию.

4. Прямым текстом говорится о планах нанесения ядерных ударов по континентальной части США, о Гуам [4]. На наш взгляд, речь, скорее всего, идет о крупномасштабном политическом блефе, но даже если так, то и в этом случае уровень напряженности серьезно возрастает. На данном этапе попытки соседних стран убедить КНДР отказаться от опасной политики, сочетающие методы давления и убеждения, пока не приносят результатов. Недавно Президент Соединенных Штатов Д. Трамп признал, что попытки Китая оказать воздействие на Северную Корею фактически провалились. Пхеньян во внутренней пропаганде резко критикует Пекин за поддержку США в принятии санкционных резолюций СБ ООН. С другой стороны, сам Вашингтон постоянно колеблется в отношении поиска и применения адекватного инструментария воздействия на Пхеньян, посылая как северокорейцам, так и своим союзникам весьма противоречивые сигналы.

5. Одна из главных проблем заключается в том, что сама КНДР не предлагает реалистических идей, ведущих к исчерпывающему решению ракетно-ядерной проблемы. Когда покойный Ким Чен Ир в последний раз посетил Россию в августе 2011 г., он, хотя и неохотно, согласился с идеей продолжения переговоров в шестистороннем или ином приемлемом для всех сторон формате по вопросу ядерного уре-

гулирования [5]. Если прежний лидер в значительной мере использовал ракетно-ядерный “товар” как предмет торга со своими оппонентами, о чем, в частности, свидетельствует факт участия КНДР в шестисторонних переговорах, то для Ким Чен Ына демонстрация агрессивности — это почти самоцель. Поэтому в своей политике делает основной акцент на поддержание имиджа страны как “опасной державы”, которая готова пойти на все ради своего выживания (что периодически подкрепляется провокационными акциями). При этом “высший руководитель” берет на вооружение довольно примитивную по своей сути тактику противоборства: “Не трогайте меня, — я сумасшедший. Если заденете, — будет большой ад, если учтете мои интересы, то обойдетесь малым адом”.

Соответственно, категорически отвергается идея многосторонних или иных переговоров, целью которых была бы договоренность о демонтаже ракетно-ядерного потенциала. Единственное, о чем Пхеньян готов говорить с Вашингтоном, — это отказ последнего от так называемой враждебной политики, что может якобы побудить Северную Корею к некоторой сдержанности. При этом подразумевается, что Соединенные Штаты должны будут прекратить все военные учения в районах, прилегающих к Корейскому полуострову, отказаться от пролетов и проходов американских носителей ядерного оружия вблизи границ КНДР, а в конечном итоге — вывести свои войска из Южной Кореи, заключить с СК мирный договор. В этом случае предполагается, что и КНДР могла бы пойти на определенные послабления, например ввести мораторий на ракетные и ядерные испытания. Но вся “изюминка” состоит в том, что даже такие гипотетические и практически невыполнимые уступки со стороны США вовсе не стимулируют Северную Корею к отказу от ракетно-ядерного потенциала, который рассматривается как единственная гарантия безопасности и выживания страны в условиях неблагоприятного международного окружения. Демагогически заявляется, что КНДР будет готова к денуклеаризации лишь при условии запуска и по мере продвижения процесса глобального ядерного разоружения [6].

* * *

Ошибаются, похоже, те, кто полагают, что конфронтационные акции, предпринимаемые Пхеньяном, представляют собой импульсивные и непродуманные решения. В этой связи уместно напомнить, что практически все, что сейчас осуществляют северокорейцы, является скрупулезной и неукоснительной имплементацией их военных планов, принятых более четырех лет назад.

На состоявшемся в марте 2013 г. пленуме ЦК Трудовой партии Кореи был утвержден курс на параллельное экономическое строительство и создание ядерных сил сдерживания. В рамках последней стратегической цели были поставлены амбициозные, но вполне конкретные задачи по налаживанию производства высокоточных и компактных ядерных боеприпасов и средств их доставки, а также по разработке боезарядов большой мощности. В своем выступлении на партийном форуме Ким Чен Ын особо подчеркнул необходимость закрепления в юридической форме вопроса о постоянном обладании и неуклонном совершенствовании КНДР своего военного ядерного потенциала (данное положение впоследствии было зафиксировано в конституции страны). При этом было заявлено, что ядерное оружие “не может являться темой для включения в повестку каких-либо международных переговоров”, Пхеньян будет располагать им как “жизненно важным фактором” до тех пор, пока “в мире существует империализм”. В те же дни была обнародована информация о состоявшемся “экстренном оперативном совещании”, в ходе которого Ким Чен Ын подписал “окончательный план”, предусматривающий возможность нанесения ударов стратегическими ракетными силами Корейской народной армии в целях уничтожения американских военных баз на о. Гуам и Гавайях. Там же сообщалось, что с данного момента на Корейском полуострове завершается “состояние ни войны, ни мира”. Поэтому все проблемы, связанные с межкорейскими отношениями, впредь будут решаться “по законам военного времени”. Приведенная информация отнюдь не является закрытой, и ее нетрудно найти в официальных северокорейских источниках того периода [7].

Таким образом, нетрудно заметить, что практически все отмечаемые наблюдателями сегодняшние шаги пхеньянского руководства отнюдь не являются какой-либо импровизацией, но, напротив, довольно строго укладываются в канву вышеприведенных планов. В этом контексте действия КНДР лишь с большой натяжкой можно назвать “борьбой за выживание” — для них больше подходит иная квалификация: вынашивание агрессивных замыслов и запугивание соседних стран угрозой нападения под предлогом “самозащиты”. Все это побуждает исследователей как в самих США, так и в других странах к тому, чтобы более четко выявить истинные параметры северокорейской угрозы и определить адекватные способы реагирования на нее. Как это ни прискорбно, преимущество Пхеньяна на данном этапе состоит в том, что никто ничего достоверно не знает.

Первое. Степень продвинутой ракетной программы. Очевидно, что Северная Корея за

последние полтора-два года решительно шагнула вперед, проведя испытания нового, более мощного ракетного двигателя, а также тесты ракет на твердом топливе и тех, которые выстреливаются с установок мобильного базирования. Вместе с тем вопрос о надежности этих систем, равно как и о гарантированной дальности полета, характере боезарядов остается открытым. По сути дела, северокорейцы пока осуществили лишь один “показательно-успешный” запуск МБР в ноябре 2017 г. [8]. Многие эксперты полагают, что на данном этапе имеются серьезные проблемы с системами управления, а технологический уровень не позволяет реально работать над созданием возвращаемых головных частей (*reentry vehicle*) межконтинентальных баллистических ракет. С учетом этого сегодняшний потолок для КНДР – создание боевых баллистических ракет среднего радиуса действия типа “Нодон” с дальностью действия не более 1300 км.

Второе. Состояние ядерного потенциала. СК за все время провела шесть подземных ядерных испытаний. По оценкам специалистов, расплывающегося вещества в стране достаточно для создания 10–16 ядерных боеприпасов. Помимо реально существующей плутониевой программы, предполагают (с большой степенью условности) наличие военной программы на базе высокообогащенного урана. В этом случае количество боезарядов могло бы возрасти до 30 ед. В некоторых последних аналитических разработках американских экспертов указывается даже, что количество ядерных боеприпасов в КНДР может превышать 70 ед., однако такие оценки, скорее всего, являются сильно завышенными. Следует сказать, что помимо чисто “умозрительных” калькуляций нет никаких достоверных данных даже о том, удалось ли Пхеньяну перейти от испытаний взрывных устройств к реальному производству боеприпасов для военных целей [9].

Третье. Существенный вопрос – возможен ли в принципе при нынешнем техническом и технологическом уровне корейской науки и промышленности прогресс в деле создания компактной ядерной боеголовки для использования на баллистических ракетах большой или средней дальности. Руководство КНДР утверждает, что такой потенциал уже имеется, однако большинство специалистов считает такого рода заявления не вызывающими доверия.

Исходя из этого, можно сделать предварительный вывод, что реальные масштабы северокорейской угрозы ОМУ со стороны этого государства сильно преувеличены. Несмотря на все утверждения о создании полноценного потенциала ядерного сдерживания, достоверным сейчас является лишь то, что КНДР гарантированно способна производить и осуществлять

запуски ракет средней дальности с головной частью, оснащенной обычными боезарядами. Вопрос, который в Пхеньяне объявляют решенным, а именно – создание надежных и высокоточных МБР, оснащенных ядерными боеголовками, а также наличие возможностей для их массового пуска в сторону потенциального противника, вызывает большие сомнения. Причина – бедственное состояние экономики СК и очевидное отсутствие необходимой промышленной базы для достижения подобного прорыва.

Более того, ощутимый прогресс, который действительно достигнут Пхеньяном в ракетно-ядерной области, учитывая вышесказанное, едва ли является уникальным результатом лишь только национальных усилий. Составляющие успеха, на наш взгляд, кроются в невидимых передачах технологий из-за рубежа, подключении к работе на негласной основе квалифицированных специалистов из развитых стран, а также импорт необходимых материалов, предметов и *know-how* путем задействования сложных схем и каналов для их поступления в страну. Впрочем, поддерживаемый в КНДР высочайший уровень секретности вокруг темы производства ракетной техники и ядерного оружия фактически исключает возможность досконально разобраться в этих вопросах.

* * *

Тем не менее, насколько можно судить, возможности для осуществления нового качественного рывка в ракетно-ядерной области у КНДР, скорее всего, быстро сужаются ввиду крайней ограниченности ресурсов, сокращения притока валюты и товарной массы по причине ужесточения международных санкций. Поэтому любая поспешная попытка форсировать шаги на этом направлении не только не принесет желаемой отдачи, но и способна обернуться катастрофическими последствиями для страны во многих отношениях. Впрочем, выбор, который, в конечном счете, сделает северокорейское руководство, предугадать, как всегда, затруднительно.

Помимо гипотетической военной угрозы существует гораздо более высокая опасность крупных техногенных катастроф, связанных с деятельностью Пхеньяна в военной области (радиоактивное заражение, падение частей и обломков ракет на территории других стран или в их территориальных водах). Именно эти аспекты авантюристической деятельности КНДР представляют особую опасность для населения соседних стран, включая, естественно, и Россию.

Следует также напомнить, что после испытаний так называемой водородной бомбы 3 сен-

тября 2017 г. в районе северокорейского ядерного полигона произошли заметные подземные толчки природного происхождения. По оценке специалистов из Организации договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ОДВЗЯИ), эти явления были связаны с геологическим давлением после ядерного взрыва. Мало того, по мнению ряда экспертов, существует реальная опасность обрушения горного массива, под которым северокорейцы проводят свои ядерные тесты, особенно в случае продолжения подрывов мощных ядерных устройств. Если это все же произойдет, то в наихудшем варианте, согласно некоторым прогнозам, обнажится смертоносная радиоактивная пропасть, губительная для всего живого в густонаселенном регионе Северо-Восточной Азии. Таким образом, опасность техногенных катастроф напрямую зависит от проводящихся в КНДР экспериментов в ракетно-ядерной области, интенсивность которых только возрастает [10].

Большая опасность, проистекающая от северокорейских экспериментов с ОМУ, состоит также в том, что по мере развития они неизбежно ведут к дискредитации и подрыву международного режима нераспространения, демонстрируя крайне плохой пример для других развивающихся стран, обладающих гипертрофированными военными и внешнеполитическими амбициями. Последние вполне могут рассматривать северокорейский “опыт” как наиболее эффективный и принципиально доступный способ обеспечения национальной безопасности в условиях не только глобальных угроз, но и при “разруливании” региональных конфликтных ситуаций.

* * *

В настоящее время остро ощущается дефицит реалистичных идей в том, что касается подходов к урегулированию этого кризиса. Вместе с тем для всех очевидно, что продолжение выжидательной тактики не приносит успеха. Нынешняя динамика в развитии событий будет все более остро ставить вопрос о необходимости вывода ситуации вокруг ЯПКП из тупика.

Известные ожидания на предмет подвижек в решении ядерной проблемы у западной общественности и азиатских союзников США были связаны с приходом к власти администрации Д. Трампа. Придя в Белый Дом, новый глава государства начал свою деятельность на корейском направлении с жесткой критики своего предшественника. По его оценкам, политика “бездействия”, которой якобы придерживался Б. Обама, привела к тому, что за годы его президентства Северной Корее фактически безнаказанно удалось далеко продвинуться в

разработке баллистических ракет и ядерного оружия. Как известно, Д. Трамп и деятели его администрации вскоре после инаугурации выступили с рядом сильных заявлений, смысл которых сводился к тому, что политика “стратегического терпения”, проводившаяся Б. Обамой на протяжении многих лет, полностью исчерпана, и Вашингтон предпримет решительные шаги с целью в сжатые сроки обуздать ракетно-ядерные амбиции Пхеньяна [11]. В таком ключе новый президент США обсудил данный вопрос с китайским лидером Си Цзиньпином во Флориде в начале апреля 2017 г. в расчете на то, что Пекин сможет оказать должное воздействие на своего непредсказуемого соседа.

Действия северокорейцев, которые в указанный период провели испытания целой серии боевых ракет различных классов, прибавили решимости американской стороне, и та ускорила проработку различных вариантов реагирования и “встречных мероприятий”. В их числе: возможность нанесения ракетно-бомбовых ударов по военным объектам в КНДР с использованием тяжелых бомбардировщиков, базирующихся на Гуаме, и “Томагавков” с кораблей ВМС США в зоне Тихого океана; проведение спецопераций для уничтожения и повреждения северокорейской военной инфраструктуры, а также кибератак; захват или “смещение” северокорейского военно-политического руководства силами спецназа [12].

Примечательным, однако, является то, что против силовой акции решительно выступили американские военные деятели прошлых администраций — как демократической, так и республиканской. Бывший министр обороны Л. Панетта предупредил, что излишне жесткая риторика и угроза применения силы могут привести к опасной эскалации напряженности. Аналитики минобороны указывали, что в отличие, скажем, от “сирийского опыта”, Пентагон не имеет ясного представления о расположении опасных объектов северокорейской военной инфраструктуры. Причем даже уничтожение некоторых из них едва ли приведет к уменьшению рисков, а Северная Корея при любом раскладе сохранит потенциал для нанесения ответного удара по территории Южной Кореи, чреватый неприемлемыми потерями [13]. В итоге, вероятно, под воздействием этой аргументации, Вашингтон был вынужден “потихому” отыграть назад. Примечательны относящиеся к концу июля — началу августа 2017 г. заявления Тиллерсона и ряда других американских политиков о том, что США не ставят целью смену правящего режима в КНДР, не заинтересованы в коллапсе этой страны и даже готовы наладить с ней отношения, когда она станет “нормальным государством”, отказав-

шимся от обладания ракетно-ядерным потенциалом. Однако доколе этого не произойдет, Вашингтон вместе с союзниками и ближайшими партнерами будет широко использовать тактику “мирного давления”, подразумевающую принятие санкционного инструментария, жесткость которого будет зависеть от конкретных провокационных действий Пхеньяна [14].

Вопрос о принципиальной готовности Вашингтона прибегнуть при каких-то обстоятельствах к попытке военного решения северокорейской проблемы, тем не менее, пока остается открытым. Не вызывает никаких сомнений, что в своих стратегических расчетах в отношении КНДР, которую США считают крайне опасным и непредсказуемым противником, Вашингтон держит в запасе и планы применения военной силы – прежде всего на случай гипотетического нападения Северной Кореи на американскую территорию или американские военные базы в других странах (здесь вопрос о целесообразности ответного удара не обсуждается и будет решаться без длительных раздумий). Совершенно другое дело, если в качестве одного из допустимых в принципе вариантов рассматривается возможность нанесения превентивных ударов по северокорейским командным, военным или иным объектам или, тем более, проведения там масштабной военной операции с использованием наземного боевого компонента. Хотя, по-видимому, подобные опции также прорабатываются, вероятность их практического использования остается весьма низкой, учитывая непредсказуемость последствий для всего полуострова и Северо-Восточной Азии (СВА) в целом, а также крайне негативного отношения к подобному сценарию большинства стран региона, включая ближайших союзников США – Южной Кореи и Японии, не говоря уже о Китае. Примечательно, что в ходе слушаний в Комитете Сената США по делам вооруженных сил в январе 2018 г. Г. Киссинджер прямо предостерег от односторонних действий в отношении КНДР: “Соблазн урегулировать северокорейскую проблему при помощи превентивной атаки высок. Однако я посоветовал бы американским властям не начинать вблизи границ Китая и России одностороннюю войну, в которой значительная часть государств мира нас не поддержит” [15].

* * *

В последние два-три года обозначилась довольно зримая тенденция к укреплению российско-китайского тандема по корейским делам. Фактически его рабочим механизмом стал диалог по вопросам мира и безопасности в СВА, который с 2015 г. проводился регулярно на уровне заместителей министров иностран-

ных дел двух стран. Москва и Пекин с этого времени совместными усилиями упорно пытались достучаться до северокорейского руководства, дабы убедить его сделать выбор в пользу более позитивной линии в тех вопросах, которые вызывали озабоченность у международного сообщества. Соответствующие обращения с конструктивными предложениями, включая возможность предоставления добрых услуг со стороны двух государств в целях содействия нормализации ситуации, делались не только по линии МИД, но и на самом высоком уровне. Однако все эти демарши не принесли ожидаемых результатов и фактически были проигнорированы корейской стороной. Очередным шагом РФ и КНР стала совместная инициатива по достижению урегулирования на Корейском полуострове, выдвинутая в ходе визита министра иностранных дел Китая в Москву и оформленная в виде Совместного заявления Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова от 4 июля 2017 г. В документ вошли предложения китайской стороны относительно “двойного замораживания” (ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных совместных учений США и Республики Корея) и “параллельного продвижения” к денуклеаризации Корейского полуострова, а также российские идеи о поэтапном плане корейского урегулирования. Предполагалось, что параллельно с установлением “моратория” противостоящие стороны приступят к переговорам, установят общие принципы взаимоотношений, включающих неприменение силы, отказ от агрессии, мирное сосуществование, намерение прилагать усилия по денуклеаризации Корейского полуострова в целях комплексного урегулирования всех проблем, включая ядерную. С другой стороны, в заявлении было зафиксировано давнее намерение Москвы возобновить переговорный процесс в целях формирования на полуострове и в Северо-Восточной Азии механизма мира и безопасности, гарантирующего нормализацию отношений между соответствующими государствами [16].

Безусловно, Пекин и Москва исходили из лучших побуждений, стремясь учесть озабоченности и интересы всех сторон, вовлеченных в корейский конфликт, а поскольку составляющих у этого конфликта накопилось немало, это убеждало обе стороны в необходимости выработки и продвижения комплексного и поэтапного плана урегулирования по принципу “*win-win strategy*”. Следует, однако, напомнить, что продвигаемый план отнюдь не является чем-то принципиально новым: российское внешнеполитическое ведомство реанимировало идею, которая потерпела неудачу еще в начале столетия.

Как известно специалистам, 12 января 2003 г. Россия на переговорах в Пхеньяне предложила пакетное решение корейской проблемы примерно с тем же наполнением, что и нынешняя инициатива, причем в обстановке гораздо более благоприятной по сравнению с нынешней. Примечательно, что именно северокорейцы тогда не оказали поддержки российским работкам, не усмотрев в них для себя никаких преимуществ [17]. Теперь история повторяется на новом витке, но, по-видимому, с теми же незначительными шансами на успех.

Так, российско-китайские предложения встретили в целом негативную реакцию со стороны Вашингтона и его азиатских союзников. Согласно большинству оценок, озвученных США, Японией и даже Южной Кореей, вести дело к пакетному решению столь непростых вопросов сейчас сложно ввиду острых противоречий по всему спектру тем, разделяющих конфликтующие стороны. Кроме того, вследствие быстрой и негативной динамики событий — все более опасной и непредсказуемой деятельности КНДР в ракетно-ядерной сфере, по мнению партнеров, необходимо первоочередное решение именно этой проблемы, представляющей основной вызов для международного мира и безопасности.

С другой стороны, с точки зрения Соединенных Штатов, в случае с мораторием нельзя ставить на одну доску такие вопросы, как ракетно-ядерная деятельность СК, которая, согласно резолюциям СБ ООН, сама по себе является незаконной, и американско-южнокорейские военные учения, которые осуществляются в полном соответствии с международным правом и проведение которых как раз обуславливается необходимостью реагирования на опасные северокорейские авантюры. Как бы резюмируя дебаты по этой теме, Г. Киссинджер также выразил мнение, что российско-китайская инициатива, предусматривающая мораторий на ядерные испытания и пуски ракет в КНДР в обмен на приостановку учений в регионе с участием США, может привести к разрушению военных союзов [15].

* * *

В целом же анализ ситуации подводит к неутешительному выводу о том, что ядерная проблема Северной Кореи сегодня так же далека от своего решения, как и два десятилетия тому назад, и в настоящее время ни одна страна не может утверждать, что располагает реалистическим планом ее урегулирования, приемлемым для всех вовлеченных сторон. Более того, за последние годы дело заметно осложнилось тем, что усилиями нового руководства КНДР довольно примитивная ракетно-ядерная

программа начала нулевых получила мощный “драйв” и была развита до уровня, который предопределил ее статус серьезного фактора регионального баланса сил.

Автор далек от того, чтобы расценивать северокорейский потенциал в качестве значительной военной угрозы для региона: колоссальная отсталость КНДР от передовых и даже средне-развитых стран делает ее, скорее, “пугалом”, нежели потенциально опасным агрессором. Однако вся проблема состоит в том, что производство ракетно-ядерного оружия поставлено на поток в стране тоталитарной, потенциально нестабильной и хронически балансирующей на грани политического и экономического коллапса. Из этого следует, что в случае каких-либо вполне возможных неурядиц вплоть до начала открытых межклановых столкновений за верховную власть вполне реальной может оказаться опасность попадания ядерного оружия и материалов в руки безответственных противоборствующих группировок.

Что касается роли внешнего фактора, самой крупной ошибкой со стороны влиятельных и заинтересованных игроков — России, КНР и США — стало то, что они из-за своих противоречий фактически утратили контроль за деятельностью Северной Кореи в ракетно-ядерной области, которая на начальном этапе могла быть купирована ценой минимальных усилий. Да и теперь, после развала шестисторонних переговоров, пятерка оппонентов КНДР, по сути, раскололась на два лагеря. В одном “строю” оказались Россия и Китай, которые возлагают вину за происходящее почти в равной степени на Пхеньян и Вашингтон, выступая сторонниками относительно мягкой линии сдерживания военных усилий северокорейцев. С другой стороны, США, Япония и Южная Корея настаивают на усилении всестороннего и неограниченного давления на СК до тех пор, пока та не согласится на полноценные переговоры о ракетно-ядерном разоружении. Естественно, единственно разумным путем к снятию военно-политической напряженности на Корейском полуострове можно считать диалог. Но тот факт, что КНДР намеревается навязывать свои сценарии и содержательную часть переговоров, не должен обрекать ее соседей на роль статистов или заложников этой тупиковой ситуации.

В этой связи следует отметить, что в настоящее время одной из главных проблем является отсутствие координации и дефицит доверия между государствами “пятерки” как наиболее заинтересованными в корейском урегулировании — Россией, Китаем, США, РК и Японией. В этом плане создание постоянно действующего консультативного механизма в данном составе (с открытой дверью для КНДР) по-

звонило бы, на наш взгляд, усилить контроль за динамикой событий на Корейском полуострове, чтобы не допустить их дальнейшего развития в непредсказуемом русле. С другой стороны, такой диалог мог бы ускорить процесс поиска креативных идей, работающих на скорейшее достижение корейского урегулирования, прежде всего в ракетно-ядерной сфере.

* * *

Со времени подготовки статьи в ситуации на Корейском полуострове произошли существенные изменения. Руководство КНДР, по крайней мере внешне, пошло на крутой разворот в своей политике, заявив о полном прекращении ядерных испытаний и ракетных пусков. Одновременно Пхеньяном была выдвинута инициатива о проведении северокорейско-американских переговоров на высшем уровне с включением в повестку дня вопроса о ядерном разоружении. В подписанном 12 июня 2018 г. в Сингапуре кратком Совместном заявлении между Ким Чен Ыном и Д. Трампом Президент США подтвердил готовность представить гарантии безопасности Северной Корее, а лидер КНДР — обязательства в отношении

“полной денуклеаризации Корейского полуострова”. Эти позиции в документе никак конкретизированы не были, что в ходе дальнейших двусторонних переговоров и привело к острым разногласиям между оппонентами.

Между тем в Пхеньяне продолжают, как и прежде, заявлять, что отнюдь не собираются разоружаться в одностороннем порядке и в настоящее время рассчитывают на серьезные встречные шаги Белого Дома. Выступая на пленуме ЦК ТПК (20 апреля 2018 г.), Ким Чен Ын достаточно определенно заявил, что в проведении ядерных испытаний и ракетных пусков более нет необходимости, поскольку КНДР полностью завершила осуществление ранее поставленных целей создания ядерного оружия и средств его доставки и таким образом полностью решила вопросы обеспечения своей безопасности. Этим, собственно говоря, и был обусловлен поворот в политике КНДР в пользу переговоров со своими противниками, с которыми теперь есть чем торговаться. С учетом этого перспективы дальнейших переговоров на официальном уровне между Пхеньяном и Вашингтоном представляются весьма неопределенными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Совместное заявление по итогам четвертого раунда шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова. Официальный сайт МИД РФ. [Joint statement following the fourth round of six-party talks on the Korean Peninsula nuclear issue. The official website of the Russian foreign Ministry. (In Russ.)] Available at: <http://www.mid.ru/documents/10180/2124682/%D0%A1%D0%9E%D0%92%D0%9C%D0%95%D0%A1%D0%A2%D0%9D%D0%9E%D0%95+%D0%97%D0%90%AF%D0%92%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95+%D0%9F%D0%9E+%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%93%D0%90%D0%9C.pdf/33bb8fdb-dfdf-4605-80d8-61d652f6c485> (accessed 15.01.2018).
2. Санкции ООН в отношении КНДР. Досье. ТАСС, 23.12.2017. [UN Sanctions against DPRK. Folder. TASS, 23.12.2017 (In Russ.)] Available at: <http://tass.ru/info/4837818> (accessed 14.01.2018).
3. Fifield A. Here Are the Missiles North Korea Just Showed off, One by One. *The Washington Post*, 15.04.2017. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/04/15/here-are-the-missiles-north-korea-just-showed-off-one-by-one/?utm_term=.d71869571ca5 (accessed 22.01.2018).
4. Nam R. U.S. Should Make Proper Choice. *The Rodong Sinmun*, 07.06.2017. Available at: http://www.rodong.rep.kp/en/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2017-06-07-0011 (accessed 28.01.2018).
5. США продолжают диалог с РФ по проблеме КНДР. *РИА-Новости*, 05.08.2011. [The USA Continue the Dialogue with Russia on the DPRK Problem. *RIA-Novosti*, 05.08.2011. (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/world/20110825/424111875.html> (accessed 29.01.2018).
6. Morello C., Gearan A. North Korea Says It Won't Give up Nuclear Weapons and that Entire U.S. Mainland Is within Firing Range. *The Washington Post*, 07.08.2017. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/north-korea-under-no-circumstances-will-give-up-its-nuclear-weapons/2017/08/07/33b8d319-fbb2-4559-8f7d-25e968913712_story.html?utm_term=.6f55c0aab167 (accessed 10.01.2018).
7. Пресс-релизы Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в РФ. [Press Releases of the Democratic People's Republic of Korea Embassy in Russia (In Russ.)] Available at: <http://bolshevick.org/press-relizy-posolstva-kndr/> (accessed 10.01.2018).
8. Давыдов О.В. Северная Корея возобновила ракетные испытания: что дальше? [Davydov O.V. *Severnaya Koreya vozobnovila raketnye ispytaniya: chto dal'she?* [North Korea Relunched Missile Testings: What Comes Next?]] Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3698&p=2 (accessed 20.01.2018).
9. Hans M. Kristensen & Robert S. Norris. North Korean Nuclear Capabilities. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2018, 74:1, pp. 47-48. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00963402.2017.1413062?needAccess=true> (accessed 21.01.2018).
10. Эксперт: КНДР испытала термоядерную бомбу. *Российская газета*, 03.09.2017. [Expert: DPRK Has Tested a Fusion Nuclear Bomb. *Rossiiskaya gazeta*, 03.09.2017 (In Russ.)] Available at: <https://rg.ru/2017/09/03/ekspert-kndr-ispytala-termoiadernuiu-bombu.html> (accessed 11.01.2018).

11. Трамп заявил о единственном способе решить вопрос КНДР. *РБК*, 08.11.2017. [Trump Declared the Only Way to Solve the DPRC Problem. *RBC*, 08.11.2017 (In Russ.)] Available at: <https://www.rbc.ru/politics/08/10/2017/59d9424a9a7947348c79c82e?from=main> (accessed 13.01.2018).
12. Arkin W., McFadden C., Monahan K., Windrem R. Trump's Options for North Korea Include Placing Nukes in South Korea. *NBC News*, 07.04.2017. Available at: <https://www.nbcnews.com/news/us-news/trump-s-options-north-korea-include-placing-nukes-south-korea-n743571> (accessed 19.01.2018).
13. Rafferty A. Homeland Sec. Kelly: N. Korea Cyber Attack Could Threaten U.S. *NBC News*, 15.04.2017. Available at: <https://www.nbcnews.com/politics/politics-news/homeland-sec-kelly-n-korea-cyber-attack-could-threaten-u-n746836> (accessed 13.01.2018).
14. Haye-ah L. U.S. Does not Seek Regime Change in N. Korea: Tillerson. *Yonhap News Agency*, 02.08.2017. Available at: <http://english.yonhapnews.co.kr/search1/2603000000.html?cid=AEN20170802000653315> (accessed 21.01.2018).
15. Gould J. Kissinger: If North Korea Keeps Nukes, Other Nations Will Seek Them. *Defense News*, 25.01.2018. Available at: <https://www.defensenews.com/congress/2018/01/25/kissinger-if-north-korea-keeps-nukes-other-nations-will-seek-them/> (accessed 01.02.2018).
16. Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова. Официальный сайт МИД РФ. [Joint Statement by the Russian and Chinese Foreign Ministries on the Korean Peninsula's Problems. The Official Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (In Russ.)] Available at: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662 (accessed 26.12.2017).
17. Рожков О.В. Ядерная программа КНДР. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. [Rozhkov O.V. *Yadernaya programma KNDR* [The DPRK's Nuclear Program]. Tsentr po izucheniyu problem razoruzheniya, energetiki i ekologii pri MFTI [Center for Arms Control, Energy and Environmental Studies at MIPT.] Available at: <http://www.armscontrol.ru/course/lectures03a/ovr30318.htm> (accessed 26.01.2018).

NORTH KOREAN NUCLEAR PROBLEM: STATUS, STANDOFF, PROSPECTIVE SOLUTIONS

(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 7, pp. 17-26)

Received 12.02.2018.

*Oleg V. DAVYDOV (4545233@mail.ru),
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.*

The author examines the situation involving the North Korean nuclear and missile issue. It is argued that the crisis on the Korean Peninsula has been aggravated in the past years due to persistent striving of the Democratic People's Republic of Korea to drastically increase its potential of mass destruction weapons and the means of their delivery. During a quarter of century, neighboring and most concerned countries have made numerous attempts to involve North Korea into negotiations in order to resolve the problem by peaceful means, but those efforts brought no positive results. The situation even deteriorated after the new dictator – Kim Chong Un – came to power in 2011. In the past four to five years, Pyongyang has removed all previous self-restrictions to initiate at full power a large-scale program of the nuclear and missile weapons development. The complication is that the DPRK is not willing to advance any reasonable ideas on how to find a way out of the present deadlock and categorically rejects any proposals regarding aimed at unilateral denuclearization of the country. Although the military challenge coming from North Korean experiments seems to be exaggerated by the American side, the major danger stems from their negative impact on non-proliferation regime. Quite clear that the DPRK demonstrates very bad example for some developing countries, which possess excessive military or political ambitions. On July 4, 2017, Russia and China, who attentively watch the developments, put forward a set of proposals regarding an incremental resolution plan for the Korean issues, beginning from moratorium on nuclear tests and simultaneous freeze on South Korean and American joint military exercises. However, those proposals did not find support on the part of the USA and its Asian allies. In this regard it should be mentioned that at the moment, one of the main obstacles is the lack of coordination and trust between the five powers most interested in the Korean settlement – Russia, China, the USA, the Republic of Korea and Japan. All this necessitates the launch of a regular multilateral consultative mechanism in order to strengthen control over the dynamics of the situation and accelerate the search of constructive ideas aimed at the achievement of comprehensive nuclear problem resolution.

Keywords: nuclear and missile issue, the Korean Peninsula, denuclearization, dialogue, peaceful resolution, non-proliferation regime, conflict.

About author:

Oleg V. DAVYDOV, Former Ambassador-at-Large; Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-7-17-26